

Ледоход — эпизод 5 из 8

Безбородое, безусое лицо мордвина, темное и угловатое, как неочищенная картофелина, сердито сморщилось, он часто мигал и ворчал:

Сиди тут... Ни хлеба, ни денег... У людей радость, а мы... Жадностям служим, как собаки все одно...

Осип, не отводя глаз от реки и, видимо, думая о чем-то другом, говорит, словно сквозь сон:

Тут вовсе не жадности, а надобности! Быки-ледорезы для чего? Охранять ото льда баржи и все такое. Лед глупый, он навалится на караван, и прощай имущество...

А наплевать... наше оно, что ли?

Толкуй с дураком...

Чинили бы раньше...

Солдат скорчил лицо в страшную гримасу и крикнул:

Цыц, мордва народская!

Встала, повторил Осип. М-да...

На караване орали матросы, а с реки веяло холодом и злою, подстерегающей тишиной. Узор вешек, раскинутый по льду, изменился, и все казалось измененным, полным напряженного ожидания.

Кто-то из молодых парней спросил, тихонько и робко:

Дядя Осип как же?

Чего? дремотно отозвался он.

Так нам и сидеть тут?

Боев, явно издеваясь, гнусаво заговорил:

Отлучил господь вас, ёрников, от святого праздника своего, что-о?

Солдат поддержал товарища вытянул руку с трубкой к реке и, посмеиваясь, бормотал:

Охота в город? Идите! И лед пойдет. Авось утопнете, а то в полицию возьмут... на праздник-то хорошо!..

Это совсем верно, сказал Мокей.

Солнце спряталось, река потемнела, а город стало видно ясней молодежь уставилась на него сердитыми и грустными глазами и замолчала, замерла.

Мне было скучно и тяжело, как всегда бывает, когда видишь, что все вокруг тебя думают разное и нет единого желания, которое могло бы связать людей в целостную, упрямую силу. Хотелось уйти от них и шагать по льду одному.

Осип, точно вдруг проснувшись, встал на ноги, снял шапку и, перекрестясь на город, сказал очень просто, спокойно и властно:

Ну-кось, ребята, айда с богом...

В город? воскликнул Сашок, вскакивая.

Солдат, не двигаясь, уверенно заявил:

Потонем!

Тогда оставайся.

И, оглянув всех, Осип крикнул:

Ну, шевелись, живо!

Все поднялись, сбились в кучу; Боев, поправляя инструменты в пещере, заныл:

Сказано иди, стало быть надо идти! Кем приказано того и ответ...

Осип словно помолодел, окреп: хитровато-ласковое выражение его розового лица слиняло, глаза потемнели, глядя строго, деловито; ленивая, развалистая походка тоже исчезла он шагал твердо, уверенно.

Каждый бери по доске и держи ее поперек себя в случае не дай бог провалится кто, концы доски на лед лягут поддержка! И трещины переходить... Веревка есть? Народец, дай-кось мне ватерпас... Готовы? Ну я вперед, а за мной кто всех тяжелее? Ты, солдат! Потом Мокей, мордвин, Боев, Мишук, Сашок, Максимыч всех легче, он позади... Сымай шапки, молись богородице! Вот и солнышко-батюшко встречу нам...

Дружно обнажились лохматые, седые и русые головы, солнце глянуло на них сквозь тонкое белое облачко и спряталось, точно не желая возбуждать надежд.

Айда! сухо, новым голосом сказал Осип. С богом! Глядите на ноги мне. Не напирай в спину, держись друг ко другу не ближе сажня, а чем дале то и лучше! Пошел, детки!

Сунув шапку за пазуху, держа в руке ватерпас, Осип, как-то осторожно и ласково шаркая ногами, сошел на лед и тотчас, за спиной у него, на берегу, раздался отчаянный крик:

Ку-уда, бараны, ма-а...

Шагай, не оглядывайсь! звонко командовал вожатый.

Наза-ад, дьяво-олы...

Айда, ребята, бога помня! В гости на праздник он нас не позовет...

Свистел полицейский свисток, а солдат громко ворчал:

Во-от, ерои, так вашу... Затеяли дело! Теперь депеша будет дана тому берегу в полицию... Коли не утопнем в часть, клопам нас... Я на себя ответ не беру...

Бодрый голос Осипа вел людей за собою, точно на веревке:

Гляди под ноги зорче!..

Шли наискось, против течения, и мне, заднему, хорошо видно было, как маленький аккуратный Осип, с белой, точно у зайца, головою, ловко скользит

по льду, почти не поднимая ног. За ним, гуськом, как бы нанизанные на невидимую нить, тянутся, покачиваясь, шесть темных фигур, иногда рядом с ними явятся тени их, лягут под ноги им и стелются по льду. Головы опущены, точно люди идут с горы и боятся упасть, оступившись.

Сзади кричат все гуще видимо, сбежался народ большою толпой, слов уже нельзя разобрать, слышен только неприятный гул.

Это осторожное шествие становится для меня механической, скучной работой; я привык ходить быстро и теперь погружаюсь в то полусонное настроение, когда душа как бы пустеет, перестаешь думать о себе, уходишь от себя и в то же время все видишь особенно четко, слышишь особенно ясно. Под ногами синевато-серый, свинцовый лед, изъеденный водою, его рассеянный блеск ослепляет глаза. Кое-где лед лопнул, выгорбился, истерт движением в мелкие куски, лежит кучами, ноздреватый, как пемза, и острый, как битое стекло. Синие трещины, холодно улыбаясь, ловят ногу. Шлепают широкие подошвы, надоедно звучат голоса Боева и солдата, оба они как две дудочки в одних устах.

Я ответа не беру...

Конечно, и я...

Одному дозволено распоряжаться, а другой, может, в тыщу раз умнее...

Разве умом живут у нас? У нас глоткой живут все...

Осип заткнул полы полушубка за пояс, его ноги, в серых штанах солдатского сукна, шагают легко и гибко, точно пружины. Идет он так, как будто перед ним все время вертится кто-то, видимый только ему, вертится и мешает идти прямо, кратчайшим путем, а Осип борется с ним, стараясь обойти его, ускользнуть, подается вправо и влево, иногда круто поворачивает назад и так все время танцует, описывая по льду петли и полукружия. Голос его звучит немолчно, певуче, и очень приятно слышать, как хорошо сливается он со звоном колоколов...